

Глава 17. Шу Сяомин проколол уши!

Ши Хаочжи до сих пор отчетливо помнил тот день, когда шестнадцатилетним подростком он впервые пришел в «Хунъюй», чтобы стать трейни.

Перед отъездом он стоял с единственным чемоданом в руках. На улице кусался мороз, но ликование в груди было настолько сильным, что он совершенно не чувствовал холода. Сколько тогда было амбиций! С какой непоколебимой уверенностью он заявлял матери: «Я обязательно дебютирую!»

В итоге год сменялся годом, и вот ему уже исполнилось двадцать четыре. Те друзья, что остались в родных краях, давно окончили институты, женились и обзавелись детьми, а кто-то вернулся в родительский дом, чтобы помогать старикам.

А что же он? Он не просто не дебютировал — он погряз в долгах перед компанией, и бог знает, когда сумеет их выплатить. Каждый раз, созваниваясь с родными, ему приходилось лишь отшучиваться, скрывая горькую правду.

Он действительно, всем сердцем, хотел остаться.

Но одного желанья было мало. Ши Хаочжи лишь казался простаком, на деле же он не был наивным новичком, не смыслящим в законах шоу-бизнеса. Он понимал истинный смысл рокировки, устроенной руководством: их группу просто списали со счетов. Ресурсы компании не безграничны, и их направляют лишь на так называемых «приоритетных фаворитов».

Казалось, стоило смириться с судьбой. Но какая-то часть души отчаянно протестовала.

И тут Шу Мин произнес: «Тогда давай что-нибудь придумаем».

«Что мы можем придумать?»

В душе Ши Хаочжи вспыхнула крошечная искра надежды. Он обернулся и увидел, что Шао Гэн тоже не сводит глаз с Шу Мина.

«Но как?»

Сердце Ши Хаочжи, казалось, вот-вот выскочит из груди. Кровь прилила к лицу, пульс участился.

— Сделаем так: я возьму решение вопроса на себя, — Шу Мин говорил спокойно, но веско. — Если не справлюсь и не смогу защитить вас, я добровольно уйду с проекта вместе с вами.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Ши Хаочжи почувствовал, что ему не хватает воздуха. Лицо его, должно быть, выглядело сейчас жалко, но он, не мигая, ловил каждое мимолетное движение лица Шу Мина, словно хватаясь за последнюю соломинку.

— Чему ты так удивляешься?

— Я ведь — Шу Мин.

Шу Мин пристально смотрел на него пару секунд, и как раз в тот миг, когда у Ши Хаочжи по коже готовы были побежать мурашки, юноша едва заметно улыбнулся и протянул ему ладонь.

Помилуйте, ведь это же Шу Мин.

То самое «пушечное мясо», от которого «Хуньюй» мечтала избавиться с первого же дня. Обычный парень, в которого никто не верил, но который умудрился ворваться в топ рейтинга. Первый участник за всю историю «Шоу 1», чей сольный ролик набрал более ста миллионов просмотров.

Ночной ветер мягко растрепал челку Шу Мина. В неверном свете фонарей его глаза сияли пугающей и в то же время воодушевляющей решимостью.

— Поверь мне на этот раз.

Ши Хаочжи, словно замороженный этим взглядом, неосознанно хлопнул по его ладони. А мгновение спустя, опомнившись, он бросился к парню и, не сдерживая слез, обхватил его за плечи, выкрикивая:

— Шу Мин! Брат верит тебе!

Шао Гэн перехватил взгляд Шу Мина. Он хотел сказать: «А я всегда тебе верил...»

Иначе он бы не последовал за ним из репетиционного зала без единого колебания. Еще тогда, когда увидел его решимость освоить инструмент, когда понял, что во время общего ужина Шу Мин не забыл о нем.

В отличие от яркого Ли Цисяна, Шао Гэн всегда оставался в тени, незамеченным. В тот день, когда Ши Хаочжи собирался всех угостить, о нем ожидаемо забыли. Но он видел — Шу Мин

помнил.

И Шао Гэн это запомнил тоже.

В такой момент должна была зазвучать пафосная музыка из подросткового аниме, а героям следовало бы разрыдаться в объятиях друг друга. Однако Шу Мин внезапно высвободился из цепкой хватки Ши Хаочжи.

Он открутил крышку термоса, сделал глоток и с невозмутимостью умудренного опытом чиновника удовлетворенно кивнул:

— Что ж, будем считать, мы пришли к согласию. Я пойду. До завтра.

«А? Что это за поворот такой?»

Ши Хаочжи стоял с раскрытым ртом. Пока он пребывал в оцепенении, Шу Мин уже успел отойти на приличное расстояние. Не оборачиваясь, он лишь лениво махнул рукой на прощание. С другой стороны Шао Гэн, подхватив куртку, тоже бесшумно скрылся в темноте.

В мгновение ока Ши Хаочжи остался один!

«Да вы что, издеваетесь?!»

Он чувствовал, что его снова обвели вокруг пальца, и ему следовало бы разозлиться, но на душе стало удивительно спокойно, а шаг — непривычно легким.

Вечерний ветер сегодня был на редкость приятным.

Ветер и впрямь был прохладным, зато теплая вода, согревающая горло и желудок, приносила долгожданное умиротворение. Отойдя подальше, Шу Мин наконец смог облегченно выдохнуть.

Откуда бы взяться этой непоколебимой уверенности и четкому плану? Он всё это просто сыграл!

А причина, по которой ему пришлось так долго водить Ши Хаочжи за нос, была проста: тот ему не доверял. И это было закономерно — ведь Шу Мин был самым младшим, да еще и новичком без подготовки. Во время их первой встречи он даже не мог запомнить движения заглавной песни.

Тогда Шу Мину искренне казалось, что та хореография невероятно сложная. Но сейчас, оглядываясь назад, он понимал, почему Е Лицин выучил её так быстро: на самом деле она была элементарной. Попадись она ему сейчас, Шу Мину хватило бы одного просмотра, чтобы повторить всё в точности.

Должно быть, то первое впечатление оказалось слишком глубоким, и все привыкли видеть в нем лишь неопытного младшего коллегу. А к словам младшего никто не прислушивается.

Но команда не может существовать без опоры. У Ши Хаочжи не хватало лидерских качеств, а у Шао Гэна — желания брать на себя ответственность. И что самое скверное: как, ну как двое взрослых парней могли проспорить весь день и не родить ни единой идеи?! Это было мучительно... Рассчитывать на них не стоило.

Пришлось брать всё на себя и идти напролом.

Мысли в голове Шу Мина путались. Он поставил термос на землю и присел на бордюр, подставляя лицо ветру. В глубине души он чувствовал себя потерянным.

Это было похоже на то, как если бы он стоял на перепутье судьбы, не зная, какую дорогу выбрать. Каждый шаг в неизвестность отдавался в груди пугающей пустотой — словно под ногами в любой миг могла разверзнуться пропасть. Что будет дальше? Никто не знал. Приходилось брести вслепую, нащупывая камни под водой.

Благодаря тем странным снам, что преследовали его последние пару дней, у него наконец созрела концепция для нового выступления. Однако он и сам не знал, верна ли она.

Шу Мин обхватил колени руками и тяжело вздохнул.

«Щенок» пребывал в меланхолии. За последние дни он вздыхал чаще, чем за все свои восемнадцать лет!

Он провел пальцами по гладкой поверхности смартфона, а затем прислонился щекой к прохладному экрану.

«Тётушка, кажется, я принял очень рискованное решение».

Но других карт в рукаве у него не осталось. В глазах крупных агентств всё, чем он обладал, лежало на поверхности. Ресурсы, которыми он мог распоряжаться, были ничтожны — по большому счету, его даже не считали полноценной фигурой за игровым столом.

И всё же, пусть у него на руках была всего одна карта... кто сказал, что её нельзя разыгрывать снова и снова?

— Хочет Сюэ Инчэн заводить интрижки — пусть заводит. Студенческие годы для того и созданы, разве нет?

Мужчина, закинув ногу на ногу, небрежно листал бумаги. С начала летних каникул Сюэ Инчэн вел себя странно. Раньше он вечно ходил с недовольной миной, а теперь на его лице то и дело мелькала блаженная улыбка. Мало того, в самый разгар жары он потащился за тридевять земель, в какой-то пригород, чтобы посмотреть на публичное выступление какого-то шоу?..

А ведь Сюэ Инчэн — человек, который не выносит ни холода, ни зноя. Обычно летом он и дня не оставался в столице, предпочитая уезжать в более прохладные места. Нынешнее поведение было крайне подозрительным!

Когда сестра рассказала об этом, она так и лучилась жаждой сплетен. В тот же день они всё проанализировали и пришли к единогласному выводу: этот парень точно влюбился.

Что ж, влюбился и влюбился, ничего плохого в этом нет.

Менеджер был вне себя:

— И ради этого ты решил пойти на проект наставником?!

— Мне любопытно, — сухо бросил Лян Жувэнь, переворачивая страницу.

Он экстренно готовился: раз уж согласился стать временным наставником, пусть и всего на один выпуск, он должен сделать работу безупречно. И хотя желание разузнать подробности «романа» племянника сыграло свою роль, это не значило, что он намерен флиртить.

К тому же, любопытство было не единственной причиной. Недавно его близкий друг перешел в продюсирование и даже уговорил Лян Жувэня вложиться в общее дело. И только они сменили курс, как на них свалился крайне важный проект от Центрального телевидения — приоритетная государственная программа, связанная с поддержкой малых народов и укреплением национального единства. Это был серьезный политический заказ.

Если проект выстрелит, это будет значить не только успех друга как продюсера, но и возможность для их компании выйти на новый уровень сотрудничества с государственными фондами. От такого предложения не отказываются!

Однако они столкнулись с огромной проблемой: среди молодых исполнителей не было никого, кто мог бы справиться со сложнейшими этническими песнями. Нынешнее «поколение чудес» в музыке оказывалось одно слабее другого. Те же немногие, кто обладал нужной техникой, исполняли материал слишком схоластично, убивая ту самую «живую» искру, которую искали

продюсеры.

Они просмотрели едва ли не всех молодых артистов в индустрии, но так и не нашли идеального кандидата. И вот тогда Чжоу Хэбинь, узнав о поисках, порекомендовал Лян Жувэню Шу Мина.

В тот день в больничной палате Чжоу Хэбинь показал ему материалы.

— У этого мальчика великолепные вокальные данные. Голос очень чистый, и сам он невероятно трудолюбив.

Настолько, что Чжоу Хэбинь невольно видел в нем себя в юности. Тот же взгляд в экран смартфона, те же репетиции до глубокой ночи, когда во всем здании гас свет и оставался лишь один человек. Именно поэтому он отдал Шу Мину свой планшет — своего рода жест поддержки самому себе, только много лет назад.

Лян Жувэнь внимательно прослушал дебютное выступление Шу Мина и, раздумав пару секунд, переслал запись другу.

Реакция последовала незамедлительно. Через две минуты телефон едва не взорвался от шквала сообщений:

«Брат! Брат! Ты лучший! Ты обязан! Слышишь, обязан достать мне этого парня!»

«Это оно! Голос идеален, чистота исполнения — именно то, что я искал!»

В трубке слышались тяжелые шаги — друг, похоже, мерился комнату, не в силах сдержать восторг.

«От этого проекта зависит, смогу ли я триумфально вернуться в индустрию. Ты же знаешь, через что мне пришлось пройти в последнее время...»

— Ладно-ладно, я понял, — вздохнул Лян Жувэнь.

Так что на этот раз он пришел не только ради племянника. Ему нужно было своими глазами увидеть Шу Мина и понять: действительно ли это тот человек, которого они ищут?

Хорошие новости! Руководство проекта объявило, что из-за непредвиденных обстоятельств Второе публичное выступление (групповой этап) переносится на полторы недели.

Когда Ши Хаочжи ворвался в зал с этой вестью, он едва не разрыдался от счастья. Видит бог, подготовка под руководством Шу Мина превратилась в настоящий ад!

Шу Мин мало того что сам спал по три-четыре часа в сутки, так еще и заставлял их вставать ни свет ни заря. И что самое обидное — этот парень каждое утро выглядел бодрым и полным сил, словно проспал часов десять. Никаких темных кругов под глазами, кожа свежая... Как в такое вообще можно поверить?!

Ши Хаочжи оставалось лишь безмолвно сносить деспотичные тренировки Шу Мина.

В этот самый момент Шу Мин сидел на полу, скрестив ноги, и распаковывал посылки. Несколько коробок проделали путь в тысячи километров.

Когда он наклонил голову, блеснул тонкий луч света, отразившийся у его уха.

Да, ради будущего выступления Шу Мин затащил Шао Гэна в салон и уговорил его проколоть уши. Ши Хаочжи в этой аванюре не участвовал — у него проколы были давно. Причем не один, а сразу два.

Ши Хаочжи лишь хитро ухмылялся: «Хе-хе, не ожидали?»

Вообще-то, у Шу Мина проколы были и раньше. У его народа принято носить серьги. Когда он был маленьким, тётушка сначала долго растирала мочки парой бобов, чтобы кожа стала тонкой и потеряла чувствительность, а потом быстрым и точным движением пронзала их раскаленной иглой. Так, без лишнего шума и боли, делались проколы.

Рука у тётушки была легкой. Жаль только, что кожа у Шу Мина оказалась слишком чувствительной: после нескольких попыток началось сильное воспаление. В итоге он просто дал дырочкам зарости и больше об этом не помышлял.

Кто бы мог подумать, что спустя столько лет Шу Мин сам пойдет и прокалет уши снова? Причем сделает это абсолютно добровольно.

Но, справедливости ради, серьги подходили ему идеально. Если Шу Мин без украшений олицетворял собой образ чистого, светлого юноши, то с серьгами-гвоздиками в нем просыпалась какая-то острая, дерзкая красота. Появилась неуловимая порочная притягательность, невольный соблазн — нечто похожее чувствовали зрители во время его первого выступления, когда алый след от тугого наруча врезался в его кожу.

Никто не мог остаться равнодушным к его новому образу. Можно сказать, что теперь Шу Мин стал врагом номер один для всех участников. Стоило им увидеть его с прокалотыми ушами, как в каждой группе мгновенно воцарилась атмосфера предельной настороженности.

«Дело дрянь, этот парень явно готовит какой-то сокрушительный удар, от которого у всех челюсти отвиснут».

А бесконечные посылки, которые команда Шу Мина перетаскивала в свою кладовую, лишь подтверждали эти опасения. Да, они готовили нечто грандиозное. А что именно — узнаем в свое время. Конкуренты занервничали и начали тренироваться с утроенной силой.

Именно в такой атмосфере всеобщего аврала Лян Жувэнь впервые переступил порог тренировочной базы. Он с некоторым удивлением приподнял бровь: неужели участники нынешних шоу настолько серьезно относятся к делу?

Пройдясь по коридорам, Лян Жувэнь остановился перед дверью одного из залов.

Шу Мин стоял перед зеркалом и рассматривал свою кровоточащую мочку. Ночью он спал беспокойно и постоянно задевал серьгу. К тому же из-за недавней болезни иммунитет, видимо, снизился, и теперь вся ушная раковина и мочка густо покраснели. Пока он не трогал серьгу, боли не было, но стоило задеть — и в голову стреляло острой судорогой.

— Тц-с... больно-то как! — глаза «щенка» наполнились слезами, ресницы намокли, и он выглядел до того жалко, что это совершенно не вязалось с его дерзким образом на сцене.

Ши Хаочжи кружил вокруг него, пытаясь как-то утешить или рассмешить. Ему это удалось, и Шу Мин улыбнулся, показав кончики своих очаровательных клыков.

Лян Жувэнь помедлил пару секунд, а затем уверенно постучал в дверь.

<http://bllate.org/book/16119/1584621>